

Юлія Скоркіна

ІСТОРІИ
У СІНЮШКИНОГО
КОЛОДЦА

16+

Юлия Скоркина

Истории у Синюшкиного колодца

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Скоркина Ю. А.

Истории у Синюшкиного колодца / Ю. А. Скоркина — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-06277-1

Случалось ли вам лицом к лицу сталкиваться с миром мёртвых, миром теней? Обряды, ведьмы и прочая нечисть гуляет по страницам сборника, верша свои дела. У Синюшкиного колодца можно услышать истории о том, как нечто из тьмы находит лазейку в мир живых.

ISBN 978-5-532-06277-1

© Скоркина Ю. А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Морана	5
Обряд	12
Полуночица	18
Долг платежом красен	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Морана

В тот год с едой ох как тяжело пришлось! Лето, почитай, пару дней и было. Дожди затяжные да ветра студёные, посевы все в полях гнили. Плоды на деревьях да кустах вызреть не успевали без солнца-то. До нового года деревенские ещё как-то справлялись, а уж после хоть волком вой.

А и из деревенских-то одни бабы да дети со стариками. Мужики с фронта только возвращаться стали. Да и толку от них – слабые да калечные...

Евдокия, как мужа на фронт проводила, одна по хозяйству справлялась. Двоих детей воспитывала: Захарка трёх лет от роду да Заряна-десятилетка.

За окном зима выюжила; последние запасы ещё вчера иссякли, нужно было собираться на базар. Кое-что из вещей ещё можно было поменять на зерно. Намолоть его да кисели для деток варить.

Нынче стало страшно из дома выходить. Поговаривали, что лихие люди в группы сбивались да нечаянных путников грабили. Зверел человек с голоду, не гнушался душу невинную губить – своя шкура дороже!

"Ох, горе горькое, – думала Евдокия, – и идти страшно, и не идти нельзя. Сегодня последнюю кашу на ужин выставлю, а завтра уж вообще есть нечего будет". Из невесёлых раздумий Дуню вывела дочь:

– К Маришке тятка вернулся, – произнесла Заряна.

Маришка была её подругой, и потому она первая узнала благую весть.

– Вот счастье-то, – радостно отозвалась мать. – Глядишь, доча, и наш папка скоро вернётся. Вот тогда полегче станет. Заряна, – продолжила мать, – я завтра с утра на базар собралась.

– Не ходи, мамка, – запричитала дочь, – вон у старой бабки Лукерьи дочь не воротилась. А ну как с тобой что случится, что мы тогда с Захаром делать будем?!

– Да успокойся, милая, нечего кликать – нельзя не ходить. Совсем еды в доме не осталось.

А дочь знай своё твердит:

– Не ходи, мамка, может, мы потерпим, может, в деревне еду выменять удастся.

Про пропавшую дочь Лукерьи Дуня слыхала. Так же на базар собралась, да и сгнула. Кто знает: или люди окаянные, или зима лютая прибрала. Сил-то с голоду не много, а морозы на улице стояли трескучие. Может, и сморило со слабости, да сугробом замело.

– Потерпим, – повторила Дуня слово дочери, – как малому-то объяснить, когда с голоду животик урчать начнёт. Ты давай не думай о плохом. Я с утра пораньше выйду да мигом к обеду ворочусь, и глазом моргнуть не успеешь, – нарочито бодрым голосом произнесла мать.

Рано утром, ещё затемно, укутавшись потеплее да взяв вещи на обмен, скрипнув дверью, вышла Дуняша на морозный воздух. В большое село на базар идти нужно было аккуратно рядом с лесом. Накатанная санями тропа петляла вдоль чёрной стены могучих сосен. Незаметной мышкой в утренних сумерках бежала Евдокия к торговцам.

Зимнее солнце уже слепило снежной белизной, когда на горизонте замаячили печные трубы первых домов. Добралась девка без неприятностей. Удачно день для неё сложился.

Баба-торговка взамен на её вещи щедро отсыпала ей кулёк гороха и котомку зерна. Обрато Дуня летела на радостях. Представляла, как гороха наметет. Пожиже ароматную похлёбку можно будет сварить, глядишь, и на подольше еды хватит!

Не вовремя заметила Евдокия, как позади двое за ней увязались. Не молодые, не старые, бороды чёрные, косматые, пол-лица закрывают. Идут чуть поодаль, и не приближаются, и не

отстают. Молодая баба – лёгкая добыча. Заприметили, как она кульки в мешок заплечный засовывала, да и решили поживиться.

До деревни оставалось полчаса ходу, когда женщина неладное почуяла. Обернулась – позади два мужика; припустила она что есть духу. Да разве ж в тулупе да валенках быстро побегаешь. Моментом нагнали. В лес волоком потащили.

Взревела она белугой: "Не губите, дети малые дома одни, умрут без матери".

Только кому есть дело до детей чужих, если сердце уж давно очерствело да кроме наживы лёгкой ни о чём больше не мечтает! Лезвице тонкое глубоко под лопатку вошло, и пискнуть не успела Дуняша. Боль острая тело пронзила. Почувствовала, как мешок заплечный поганцы режут. Тулуп стащили, платок с головы сорвали, чтоб наверняка замёрзла. И, бросив её, ушли. Не хотела смириться с участью страшной, перед глазами дети стояли.

Ползла Дуня, закостенелыми руками за наст ледяной цеплялась, пальцы в кровь резала. Не доползла до дороги – силы оставляли, мороз убаюкивал. В глазах пелена, и на последнем издыхании почудилось ей, что идёт из лесу кто-то. Смотрит и не понимает, чудится иль правда.

Стоит перед ней девушка. Высокая, кожа белая, что тот снег. Волосы до пояса, как смоль чёрные. Только одеяние её чудное – словно тонкое платье стройный стан обтягивает, серебром расшитое, переливается, как самоцветы! Подошла совсем близко, на колени перед Дуняшей присела.

"Кто ты?" – спросила Дуня. Молчит незнакомка: голову наклонила, глаза будто в душу заглядывают.

Собрала девка всю силу, что даётся матерям, когда чадо их в беду попадает, и губами синими зашептала: "Дети мои дома, одни совсем, сгинут с голоду. Им за что смерть лютая? Не одну меня нелюди жизни лишили, они и души детские на медленную погибель обрекли".

Оставили силы Дуняшу, блекнет мир, видит – склоняет над ней голову незнакомка. А в глазах её тьма плещется, словно во мрак бездонный затягивает. Почувствовала Дуня губы ледяные, что ко лбу приложились, и окутало её безразличие. Смерть в свои руки безвольно покинувшую этот мир душу приняла...

Уж и ночь глубокая за окном, а в избе Евдокии тонкий огонёк на окно тени отбрасывает. Не спит Заряна. Братишку маленького спать уложила, а сама подле окна села. Текут слёзы по щекам детским, утихнуть не могут. Всё поняла дочка, когда солнце за сосны высокие закатилось, а мать так и не воротилась. Страх сердце сковал. Как они теперь одни, кто мамку заменит? А ну как и тятка не возвратится?!

Шло время; горевали дети по матери сгнувшей, да только не изменишь ничего. Заряна вмиг повзрослела, поняла, что для Захарки маленького она теперь и сестра, и мать. Всю работу по дому на себя взяла. Попервой сиротам с деревни кой-кто помогал, да только голод своё дело делал. У каждого в семье по тройке ртов, кому нужно ещё и чужих кормить.

Ко времени постучался в дом староста местный. И поведал: мол, до власть имущих дошло, что дети одни в избе, холод, голод, мать сгнула, отец с фронта не вернулся. И должны за детьми приехать да в детдом забрать. Решили, что лучше так, чем смерть от голода.

– Кто решил? – воскликнула Заряна. – Дядька Остап, не отдавайте нас в детдом, может, тятка вернётся! Разлучат нас там, Захарка ведь совсем маленький, а я взрослая. Не губите, не отдавайте! – повалилась старосте в ноги, слезами заливается. Сидит Остап, глаза поднять не может – и права девка, что разлучат с братом, да только что он сделать может. Власть приказала детей передать, чтоб беспризорников не плодить. Куды ж супротив власти переть!

Спустя два дня к дому детей подъехали сани, лошадыми запряжённые. Сошёл на снег человек казённый, да два холопа при нём. Постучали в дверь, Заряна отворила. А как поняла, что это по их души приехали, заблажила. Да толку-то! Приказал человек детям одеваться да в сани прыгать. А не исполните, так плетями погонят!

Сам по дому петухом ходит, свысока на детей поглядывает. Все углы облазил, во все дыры нос свой сунул, – что уж найти хотел, то неведомо. В избе бедняка из богатств всего пустой стол да угол красный. Долго казённый по комнатам шастал, всё вызыркивал, чем поживиться можно. А как не нашёл, так рывкнул на девочку, чтоб быстрее шевелилась.

Укуталась девочка, братика маленького по самые глаза шарфом повязала, саму трясёт всю. Вышли на улицу, а там у калитки кое-кто из деревни собрался – проводить сироток да узелок в дорогу сунуть. Бабы ревут – детей жалко, разлучат кровиночек. Захарка маленький подвывает на руках одного из холопов. Впереди идёт казённый, за ним Заряна упирается:

– Пощади, дядька, – кричит девочка, – оставь нас в деревне, я за братиком смотреть буду. Никому в тягость не станем. Ручьём слёзы льются. На улице мороз, щёки мокрые коркой покрывает.

Тянет человек Заряну за руку. Упирается она; видимо, невзначай на снегу поскользнулась, да и наступила казённому на ногу. Взревел он, озлобился, да как отвесил наотмашь пощёчину ребёнку! Так отвесил, что полетела девочка на снег белый.

Затихла Заряна, не ожидавшая такого. Лежит, трясётся, братик на руках холопа биться начал. Выворачивается, к сестре хочет бежать на помощь. Осклабился казённый, увидев страх на лице девочки:

– Впредь исполнительнее будешь, – рывкнул он.

И вдруг в доме детей распахнулась дверь. Да так открылась, будто ногой с обратной стороны по ней дали. Даром что с петель не слетела. Выпучили люди глаза, не поймут, что такое. А из хаты на улицу девка вышла. И такая, что стоявшие как язык проглотили. Смотрят, глазами крутят: откуда диво такое? А казённый больше всех удивлён. Стоит, рот открыл. "Как же так, – думает, – я в избе каждый угол пролазил, в каждую щёлку заглянул. Откуда девка могла взяться?"

Меж тем девушка стала с крыльца спускаться. Гордо идёт, платье чёрное стан обтягивает, волосы, что смоль, на морозном ветерке змеями колышутся. Кожа белая, словно фарфор. Глаза огромные, тёмные, будто нет в них радужки.

Подошла к Заряне, руку протянула, подняться помогла. Схватила девочка за неё, а рука словно лёд.

Молча к холопу дева направилась, что Захарку держал. Тот как истукан стоит, глаз от неё отвести не может. Зыркнула она на мужика, тот руки и разжал. Мальчонка на землю опустился, к сестре побежал, прижался, плачет. Повернулась незнакомка к казённому.

– По чьему наказу детей дома родного лишаешь? – спрашивает.

Тот слова вымолвить не может. Сам не поймёт, почему перед девкой этой робеет, да так, что поджилки трясутся.

– Так, начальство, – проямлил он.

– Скажешь, мать у них объявилась, – бросила она через плечо и направилась к избе, увлекая детей за собой. Ещё с десяток минут стоял люд, на дом тарасились. Никто так и не понял, что это было, откуда девица взялась, почему детей не позволила увести. Да так ничего и не надумали, разошлись каждый восвояси.

В доме меж тем стоит Заряна, братика к себе прижимает, пошевелиться боится. Хоть и помогла незнакомка, а всё ж страшно. Рядом с ней холодом веет да мысли путаются.

– Не бойся меня, – обратилась она к девочке. – Пугать вас да жить в доме не стану, – сказала девушка, скосивши глаза на красный угол. – Но коль беда нависнет, появлюсь. Не знаешь, кто я?

Девочка отрицательно покачала головой. "Какая странная, – думала она, – неприветливая. Холодная и внутри, и снаружи".

– Морана, – громко ответила дева, прервав поток мыслей ребёнка.

Зарянка вскрикнула и зажала рот рукой. Конечно же, она знала про Морану. Рассказывая сказки перед сном, мама часто упоминала её – повелительницу зимы и смерти. Могущественную и безжалостную богиню, наводящую морок на всё живое, утягивающую в Навь. Серп в руках носящую да нити жизни им обрезающую. Заколотило Зарянку со страху.

Морана свысока наблюдала за девочкой, и в её чёрных глазах не было никаких эмоций.

В этот момент маленький Захарка заплакал от того, что ему никак не поддавались вале-ночки, которые он пытался стащить с ног. Сестрёнка бросилась к брату, а когда повернулась, кроме них в доме никого уж не было.

С тех пор тихонько жизнь пошла. Заряна полностью на себя взяла хозяйство. Заботилась о брате. Чудным образом, как только подходил к концу провиант, в их небольшом амбаре появлялась котомка с зерном.

И теперь уже сама Заряна, укладывая спать братика, рассказывала ему сказки на ночь. О могущественной Моране. Только теперь в её выдуманных историях чёрная дева обрела совсем другие черты...

Проходило время зимы, в деревни и сёла с фронта чаще стали мужики возвращаться. Разбойники поутихли. Не так страшно стало ходить на базар. И приловчилась Зарянка в лес бегать – где первые проталины на солнце появлялись, там дивные подснежники из земли проглядывали. Очень уж эти цветы любили богатые барышни. Которым самим недосуг было бегать по лесам да в талый снег проваливаться, а свежего весеннего запаха в доме ой как хотелось!

Вот она и шмыгала по полянкам лесным. И страшно никогда не было. Хоть с тех пор Морана больше не появлялась, да только знала девочка, что присматривает она за ней и в обиду не даст. Сколько раз боковым зрением видела она мелькнувший подол чёрного платья, тающий среди деревьев векового леса.

Деньги хоть и не большие выручала с подснежников, да им с Захаркой хватало. И даже умудрилась сэкономить да пару курушек-несушек прикупить. И теперь у них с братиком яичко к завтраку всегда было. Дивились соседки: одни дети живут, а никому обузой не стали, по дворам попрошайничать не ходили, на жалость никому не давили. А иной раз какая баба и сама детям несколько пирожков принесёт иль молочка крынку. Так и жили...

А однажды, отправляясь в лес за цветами, забрела Зарянка поглубже. И как поняла, что далеко зашла, остановилась и оглядывается. Лес вокруг незнакомый, сквозь лапы еловые избушка видна. Пошла к ней. Плохонькая совсем домишка, крыша, мхом крытая, дырами пошла.

Одно окно разбито да досками заколочено. Интересно девчужке, – подошла совсем близко, на крыльцо покосившееся забралась. Толкнула дверь – темнота в избе. Вошла внутрь. Было видно, что живут здесь люди, да только неопрятно всё, сыро, холодно. Остатки чёрствого хлеба на столе.

И решила Зарянка убираться из избы подобру-поздорову – а ну как хозяева вернутся, решат, что воровка пробралась. Повернулась она к двери, да так и остолбенела. На крючках у входа одежды полно висит, а в самом краю тулупчик знакомый, да из рукава платок головной свесился.

Признала девочка и тулуп, в котором мать на базар в то утро ушла, и платок её. Зажала рот руками, чтоб не заплакать. Да услышала, что к избе с улицы голоса мужские приближаются. Ничего лучше не придумала, как нырнуть под кровать.

Дверь открылась, и в дом вошли двое. Молча стали раздеваться; один сел за стол, второй лёг на кровать и отвернулся к стене.

– Ну будя тебе, Никон, – прогремел бас одного из мужиков. – Что ты сразу сник.

– Не могу я больше, Степан, – отозвался лежащий на кровати. – Ты посмотри, что с нашими жизнями стало?! С тех пор, как я эту бабу молодую порешил, всё псу под хвост идёт! Ты когда последний раз зверя словил? Я уж не говорю про разбой. Одни старухи убогие на пути встречаются, а если и обоз богатый, то подготовлены они, будто кто их предупреждает, что мы в засаде сидим. Я жрал нормально последний раз уж не помню когда! Одной сухой коркой да водой потчuemся! – закончив жаркую тираду, человек замолчал.

– Да брось ты! Совпадение это. Подумаешь, баба! Одной больше, одной меньше. Ни к чему это связывать.

– Именно после неё на нас неудачи валятся. Говорил я тебе тогда, что неприятно на сердце, будто видел кто происшедшее. Сам лес глаза на нас обратил.

– Ну право, Никон, ты уж заговариваться стал. Никто нас не видел! Обождать нужно, и наладится всё.

– Не могу я ждать, хоть топись иди, тяжело внутри...

– Ишь чё удумал, – бросил Степан, – топись! Нет у нас дороги иной, кроме разбоя! Неужто не понимаешь, что нельзя нам с рожами открытыми да к людям. Вмиг вздёрнут. Посчитай, сколько душ на нашем счету.

– На нашем? – рассвирепел Никон и вскочил с кровати. – На моём и есть эта баба молодая! Я не могу, как ты, в удовольствие душегубство превращать. Всегда говорил тебе, что оглушить достаточно, всё одно от бессознательного забрать наживу можно. А ты ж без зазрения убивал!

– Заткнись, – рявкнул Степан, – единожды на дело со мной пошедши, нет уж ходу назад! И не важно, кто убивает, – навеки повязаны! И если у тебя в голове сдуру помутилось, то сиди здесь, отсиживайся, пока за ум не возьмёшься, – сказал, да как дал по столу кулаком.

От неожиданности Зарянка-то и вскрикнула.

Затихло всё в доме. Стоят мужики, переглядываются. Подошёл Степан к кровати, руку под неё запустил и за волосы девчонку вытащил. Швырнул её на постель и стоит разглядывает.

– Ты откель такая любопытная взялась? – спрашивает. Девочка в уголок забилась, слово боится вымолвить. Поняла уж давно, что перед ней убивцы матери её. И без того разгневанный Степан вперил злой взгляд в Зарянку. – Ну? Чего молчишь, стерва! Нос длинён отрастила, в чужие дела совать? Зашибу сейчас, чтоб неповадно было других подслушивать. Сжал руку в пудовый кулак, занёс над головой и сделал шаг в сторону девочки. Сжался ребёнок в комок – поняла она, что судьбу матери сейчас повторит.

И в ту же секунду дверь избы с петель слетела. В комнатёнке ветер поднялся, закрутилось всё вокруг, всё тряпье да посуда к потолку взметнулись. И в секунду стихло всё. Ошалелые мужики смотрят – посреди избы баба стоит. Высокая, стройная, глазищами чёрными сверкает, в них будто искры бушуют.

– Морана, – заревела Зарянка и поползла к подолу навьи. Стоит царица Зимы – лицо злобное, синевой отливает, взглядом опаляет:

– Сколько душ загубил? Мало показалось? – шипит навья, к Степану обращаясь. – Пришло твоё время, тать, достаточно по лесам моим накуражился. Только смилуюсь над тобой, не сама палачом тебе стану!

Сощурила глаза Мара и улыбнулась. Только от улыбки той смертью лютой повеяло. Девочка как увидела оскал хищный, так закрыла глаза руками со страху.

А Морана меж тем продолжала:

– Девчонке тебя отдам. Мать её сгубил, так теперь во власти дочери суд над тобой чинить.

Обернулась навья к Зарянке и говорит:

– Они сиротами вас сделали, они души людские в угоду наживе губили. Можешь все кары мира обрушить на головы окаянные, всё исполню.

– Что ты, Морана, – взмолился ребёнок, – нешто можно мне такое предлагать. Ведь они люди живые, хоть и душегубцы, но всё ж живые. Может, каяться им ещё время придёт.

– Неужто не хочешь за мать отомстить? – спросила навья.

– Страшно мне, Морана, мамку не вернуть уж. Как же я могу им смерть выбирать, раз даже ты – царица смерти – сжалилась над человеком. Помогла нам с братиком, заступницей стала.

Исподлобья Мара на девчонку смотрит, будто обдумывает слова её.

И смекнул в ту минуту Степан: "А так ли грозна Морана, раз лепет малой слушает. А ну как уйдёт и девку с собой заберёт, а та разговор слышала, вмиг донесёт. Да ещё и о матери своей вспомнит. Не миновать нам тогда виселицы".

И словно пружина, собравшись, прыгнул тать в сторону Зарянки. Закричать лишь от страха успела девочка, как вдруг блеснул серп в руках чёрной навьи. И превратился Степан в пепел, что по избе ветром разметало.

Заорал не своим голосом Никон и, бросившись к двери, вылетел из дома.

– Не гонись за ним, – взмолилась Заряна, обращаясь к Моране. – Отпусти.

Навья висела в воздухе, чёрные волосы ядовитыми змеями развевались на ветру. Было видно, что она крайне недовольна и зла.

– Отправляйся домой, девочка, – зашипела она, – там тебя ждёт добрая весть. Меня ты больше не увидишь – не понять мне сердца добрые, не хотящие злом за зло воздавать!

И исчезла навья, словно и не было.

Выбралась Заряна из избы и пошла по тропе, которая её сюда привела. Отошла недалеко, как вдруг услышала треск. Обернулась, – пылает избышка алым пламенем.

Не смогла Морана сдержаться – дождалась, когда ребёнок уйдёт, да гнев свой огнём выместила.

Припустила девчушка что есть мочи, – испугалась, что не к той полезла с добротой своей. Бежала, пока деревня на горизонте не замаячила. Идёт полем, а ей уж навстречу подружка Маришка бежит, да кричит-надрывается:

– Зорька, радость-то какая, тятка ваш воротился!

Влетела девочка в дом, слёзы от радости ручьём катятся, – а там и правда отец. Сидит на табурете, Захарку на руках тетешкает. Кинулась в объятия.

– Роденький наш, вернулся! – ревёт дочка. Насилу отец успокоить смог.

И потекла жизнь ручейком, журчит, переливается. Отец чуть передохнул, по Дуняше своей погоревал, да и за хозяйство взялся. Горе горем, а двоих детей кормить нужно! Зарянка во всём отцу подмогой была, все бабские дела в своих руках держала.

Спустя год отцу в город большой по делам понадобилось. И дочка упросилась с ним в дорогу. Больно уж ей хотелось дома каменные посмотреть да церкви златоглавые. В деревне-то всё избы низкие, да храм деревянный, маковка резная.

Разрешил отец, взял с собою. Покамест по конторам нужным бегал, Зарянка с открытым ртом ходила, разглядывала. Да и дошла до монастыря белокаменного. Стены вокруг высоченные, побелёные. А уж сама церква – глаз не оторвать! И золотые купола и синие, да и в звёздах есть. Красотища! Стоит девочка, диву даётся. Вдруг почувствовала, словно взглядом кто сверлит. Обернулась и ахнула.

В нескольких шагах стоит Никон. Смотрит на Зарянку, виновато улыбаётся.

А она понять не может – вроде и он, да только от прежнего душегуба и капли не осталось. В рясе чёрной, крестик на груди с распятием, на голове скуфья монашеская. Даже лицо совсем другим стало: светлым, добрым. Подошёл он к девочке, взял её за руку, к губам поднёс и заплакал.

– Ты прости меня, дитя божье, – сквозь слёзы говорит монах Зарянке, – я, с тех пор как из леса убежал, при монастыре обитаю. За ворота ни ногой. За матушку твою денно и ночью молюсь, за тебя и сердце твоё доброе, да в грехах моих тяжких каюсь.

Много говорил Никон, да всё прощение испрашивал.

Скоро подошёл отец и, поздоровавшись с послушником, увлёл дочь за собой. Отойдя чуть поодаль, обернулась Зарянка, – а Никон всё стоит, вслед им смотрит. По щекам слёзы катятся.

– Я прощаю, – крикнула ему девочка, улыбнувшись.

Обряд

– Любаш, а может, ну его, этот папоротник? Чего-то мне страшновато.

– Конечно, страшновато! – ответила Люба Татьяне. – Где ты видела, чтоб счастье само в руки плыло? За него побороться надо!

В самую чащу леса пробирались две подружки, дождавшись дня Ивана Купала, – вернее, ночи.

Буквально неделю назад сидела перед костром на завалинке деревенская молодёжь. Ну а как же ночью да без присказок и страшных историй? Вот один из ребят и поведал про счастье, которое можно заполучить не совсем обычным способом.

Способ этот был стар, как мир. В ночь на Иванов день нужно найти цветущий папоротник. Главное – не опоздать, ведь цветёт он всего лишь несколько секунд. За эти секунды нужно цветок сорвать, и, как говаривал молодец, счастье на тебя, как ком, свалится.

И хоть в каком-то специальном счастье девицы не нуждались, а всё ж захотелось, чтоб всё и сразу.

Идут девки, – стала под ногами земля чавкать, знать, недолго осталось, до окраины болота рукой подать. Такая темень в лесу, что свет от лампы только впереди себя на метр и пробивает.

– Стой, Люба, – прошептала Татьяна и схватила её за плечо.

Повернулась девушка и видит, что подружка в темноту вглядывается.

– Глянь, не пойму, что там за две точки блестят?

Любаша направила луч в сторону, куда смотрела Татьяна.

Темнота была слишком непроницаема, но всё же стало понятно, что горящие точки – это чьи-то глаза. Пучок света еле-еле выхватывал из темноты слабый белый силуэт.

– Кто это? – дрожащим голосом спросила Татьяна.

– Откуда мне знать? – ответила Люба. – Пойдём посмотрим.

– Что ты! – взмолилась подруга. – А ну как волк?

– Да какой волк, Тань! Отродясь их в наших лесах не было. А если не узнаем, то всё одно ты так и будешь стоять трястись, как лист осиновый!

И сделала Любаша шаг в сторону белого силуэта. Пройдя пару метров, она вновь направила луч света вперёд. Там, на поросшем мхом пне, сидел кот. Белый, огромный, он, не мигая, таранился на девушку. Его длинный белый хвост нетерпеливо гулял из стороны в сторону.

– Ой, – не удержалась Любаша и звонко расхохоталась. – Ты глянь, какой красивый! И совсем белый, я таких и не встречала ни разу. По деревьям всё больше обыкновенные, а этот как облако. А огромный какой!

Девушка подошла к коту совсем близко и протянула к нему руку. Кот не испугался. Он всё так же продолжал рассматривать человека. Люба дотронулась до крупной лобастой головы.

– Какая шёлковая шёрстка, – улыбаясь, говорила девушка и гладила кота.

Тот в ответ наклонил голову, подставляя ей ушко.

– Подойди, Татьян, посмотри на это чудо, – позвала Люба подружку. Ответом ей была тишина.

– Таня? – повторила она.

Резко развернувшись, девушка водила лампой из стороны в сторону в надежде увидеть подругу.

– Та-аня! – громко и протяжно звала Люба подружку.

Ответом ей было гулкое эхо – Татьяна не отозвалась.

Она в растерянности крутила головой. Повернувшись назад, поняла, что и кота тоже больше нет. Люба одна стояла в тёмном лесу. Попыталась найти ту тропку, с которой сошла, когда направлялась к коту, но все попытки были тщетны. Периодически выкрикивая имя

подруги, она брела наугад. Так и не выйдя к тропе, присела отдохнуть. Устала, измаялась, да и темень лесная все глаза сломала: болеть начали от постоянного взглядывания во мрак ночи. Заснула девушка.

Проснулась – светло уж. Слава богу, ночь прошла спокойно. Поднялась и побрела опять выход искать.

Земля вокруг становилась всё мягче, ноги всё глубже уходили в топь мха. Любу постепенно охватывала паника. Тихо всхлипывая, она меняла направления в надежде наткнуться на тропу.

«Шлёп, шлёп, шлёп», – послышалось где-то впереди.

Любаша остановилась и прислушалась. Совершенно отчётливо слышались шаги. Почти бесшумно двинулась девушка на звук. В какой-то момент, раздвинув руками колкие еловые лапы, она увидела источник шагов.

Впереди, проворно перепрыгивая с кочки на кочку, шла старуха. Её спина была настолько сгорблена, что сзади казалось, будто тело совсем не имеет головы. Словно почуввав на себе взгляд, старуха остановилась и резко обернулась. Вся в чёрном, с надвинутым по самые брови платком, она отчасти походила на богомолку, кои пешком отправляются в паломничество к почитаемым святыням.

Но достаточно было бросить один взгляд на её лицо, и любой понимал, как далеко от Бога мысли этой старухи.

Мелкие, чёрные глазки смотрели, как буравчики, – казалось, ничто от них не ускользнёт. Старуха подняла лицо кверху так, чтобы нос уловил запахи, и шумно втянула воздух.

Любаша боялась вздохнуть: до того не хотелось, чтоб старуха заметила её. Бабка втянула воздух ещё раз, при этом её лицо вытянулось и стало похоже на звериную морду, – и уставилась на еловые лапы, за которыми стояла Любаша.

Сердце Любы ухнуло вниз, но внезапно бабка развернулась, словно упустив ту тонкую ниточку запаха, которую уловила, и так же прытко засемила ещё глубже в лес. Поворачиваясь на кочке, бабка чуть не потеряла равновесие, резко взмахнув руками. В этот момент из кармана её платья что-то выпало на мягкий мох. Старуха этого не заметила.

Что оставалось делать Любе? Дороги назад она всё равно не нашла, а бабка, хоть и страшная, а всё ж живая. Да и вдруг она к человеческому жилью как-то выведет?

Потихоньку, стараясь не издавать никакого шума, Любаша двинулась за ней, попутно подобрав то, что выпало из кармана старухи. На мху лежал обычный чёрный пузырёк из матового стекла. Не раздумывая, Любаша сунула его в свой карман.

Пытаясь не попасться бабке на глаза, девушка чуть не потеряла её из виду. Брела за ней, петляя среди болотных кочек и покрытых мхом пней, не зная куда, ругала себя, что, как дурочка, кинулась за сказкою, счастья быстрого захотела! Да ещё и Татьяну потеряла! Что теперь будет...

Сколько Люба шла за старухой, она не знала. Только вышла к какой-то поляне, а на ней деревня! Хорошо, ума хватило не выскочить сразу к домам от радости, что с чащобы выбра-лась.

Остановилась, огляделась и поняла, что деревня-то мёртвая. Дома глазами пустыми смотрят, местами кровля совсем внутрь провалилась, на иных и двери нет.

Пока стояла, рассматривала, бабку-то из виду упустила и не увидела, в какой дом та зашла.

Выбрала Любаша место поукромнее и выжидать стала. Весь день и ночь просидела, глаз не сомкнула. А к утру глядь – из одного дома, самого крепкого на вид, выскочила старуха, встала посреди поляны и носом водить начала, словно опять пыталась уловить одной ей ведомый запах.

А Любаша смотрит на неё и не поймёт: то ли чудится ей, то ли тени так странно ложатся, – но бабка будто и не бабка уже. Моложе стала! Да и спина уж не такая горбатая!

Стоит бабка, носом воздух ловит, никак не уходит. Крутится по поляне, а учуять что-то не может. Затихла Любаша, вдруг видит – через поляну белый кот несётся. Шнырь в кусты, и нет его.

– У, черт лохматый! – громко выкрикнула старуха. – Мешается под ногами, с толку сбивает, – и, погрозив вслед коту, ушла в лес.

Любаша, выждав ещё немного времени, вышла на поляну. Бредёт вдоль домов, – страшно вокруг от тишины, от запущенности, словно по кладбищу идёшь.

На подходе к дому, из которого вышла старуха, совсем боязно стало. Неожиданно в окне она заметила тень. Присела за росший рядом куст смородины и затихла. В окне показалось лицо девушки, мертвенно-бледное, с глазами, словно затянутыми белёсым туманом. Девушка в окне смотрела в одну точку и не шевелилась.

Встав в полный рост перед домом, Люба во все глаза таращилась на неё. Затем робко подняла руку и махнула ей. Та никак не отреагировала. Любаша направилась напрямиком к двери. Войдя в дом, она осмотрелась.

Сумрак стоял в помещении, комната была почти пуста. В центре её находился прямоугольный деревянный стол, вокруг которого на полу был начерчен круг. В изголовье стола стояли три толстые сальные свечи бордового цвета. Съеденный огнём воск растёкся по поверхности, создавая впечатление кровавой лужи. На всех стенах в доме были нарисованы знаки. Висели пучки засохшей травы. Одна стена выделялась на фоне других: на ней малиново-чёрным была нарисована перевернутая звезда, внутри испещренная мелкими надписями. Венцом творения были брызги, уже высохшие, бордового цвета. С одной стороны стола стоял высокий стул, на котором лежал нож и медная миска, на дне виднелись остатки чего-то чёрного. Рядом лежал пучок травы, концы которого были испачканы содержимым миски. Любаша поёжилась, словно от холода.

Весь дом вызывал неприятное ощущение.

– Эй, вы в порядке? – тихонько позвала Люба девушку у окна. Та никак не отреагировала.

– Люди, кто здесь? Помогите мне, – вдруг донеслось откуда-то снизу. – Откройте подвал! Я здесь, помогите!

– Таня?! Танюша! – воскликнула Люба, узнав голос подруги. – Что это за место? Я так испугалась за тебя, когда потеряла!

Любаша кинулась к двери в подвал. Отодвинув засов, она с силой потянула на себя тяжеленную створку. Та поддалась, и из тёмных недр навстречу подруге вылетела Татьяна.

– Люба, Любушка, ты не бросила меня, – лепетала Татьяна, сжимая в объятиях подругу. – Мне так страшно. Эта бабка, она ведьма, она чёрная ведьма. Она губит, она кровь пьёт, молодость забирает, за тобой в лес пошла. Надо бежать, – без умолку тараторила Татьяна, растирая по лицу слёзы.

– Успокойся, Таня. Какая молодость? Какая кровь? Я не понимаю тебя. Кто эта девушка? Как мы её оставим? Посмотри – ей помощь нужна, – отвечала Люба.

– Нет, Любаша, девушка и не живая уже, – так, оболочка. Ведьминными стараниями её время сегодня закончится, – сказала Таня.

– Ересь какая-то, ничего не понимаю, – повторила Любаша.

– Садись, – сказала Татьяна, – до ночи у нас время есть, не придёт бабка. Я тебе расскажу, что сама за это время узнала. Ты как этого кота увидела да с тропы сошла, я в полной темноте оказалась.

Пока ты смеялась да кошака гладила, услышала я за спиной шорох. Только голову повернула, как мне в лицо какой-то жидкостью прыснули; я мешком и повалилась. Очнулась – сижу на лавке в этом доме, руки-ноги верёвкой повязаны. Темнота, лишь три свечи горят.

На столе лежит девушка, а перед ней бабка согбенная. Руками машет, кругами ходит, слова непонятные бормочет. Увидела, что я очнулась, встала передо мной и улыбается, словно скалится.

Я взмолилась: «Отпусти, бабушка, в чём я перед тобой виновата?» Она рассмеялась так страшно и говорит: «А ни в чём! В дурости своей! Я аккурат ко дню Ивана таких дурочек и подавливаю, которые за быстрым счастьем в чашу идут да цветок папоры ищут.

Раз в тридцать лет мне нужно жизнь свою обновлять. Не хочу я помирать, мне и на этом свете гоже. А для этого нужно трёх молодых дурёх к себе затащить да обряд исполнить».

«Какой обряд?» – прошептала я. «А такой! – отвечает. – Три дня я над девицей заговор читаю, кровь ей пускаю, а как помрёт, так вторая нужна, а потом и третья. С каждой души мне молодости прибавляется.

Годков-то мне уж, почитай, двести исполнилось, а я на днях, как с вами закончу, снова молодницей-красавицей стану! Ну, хватит болтовни, сегодня третий день. Завтра твой черёд настанет, а мне ещё подружку твою найти надо!» Открыла дверь в подвал и сунула меня туда, а я в дырочку-то весь этот обряд и подглядела.

Подошла бабка к той девушке, а она лежит, как будто спит. Провела ведьма ножом по руке, с неё тонкая струйка и потекла в миску медную. Обмакнула она пучок травы в кровь, начала на стену со звездой брызгать и страшным голосом заговор читать. А стена, как на неё капли крови попали, будто огнём занялась. Словно раскалённая стала. Дочитала бабка заклятие да из миски глоток крови-то и сделала. Зашипело всё вокруг, затряслось. Гляжу – бабка и впрямь как будто моложе стала.

Как утро забрезжило, ведьма на ухо что-то девушке прошептала, та поднялась и, словно кукла тряпичная, без эмоций в углу встала. Эта девушка первой была, срок её жизни уходит сегодня. Завтра мой черёд, – заплакала Татьяна, – а сейчас, может, старуха по лесу рыщет да тебя ищет, чтоб обряд к концу подвести. Бежать надо, Люба!

– Куда бежать, Таня? Болото кругом. Я, пока сюда за ведьмой добиралась, чуть не утопла, ноги по самое колено в топь ушли, чуть не затянуло меня болото. Нам нужно как-то бабку перехитрить.

– Да как её перехитрить, если она по запаху чует, где жертва?!

– Чует, да не всё. Я у этой деревни и день, и ночь просидела, а когда бабка вышла и меня учуяла, её кот с толку сбил.

– Какой кот? – переспросила Таня. – Опять этот, белый? Это из-за него, проклятого, мы с тобой разлучились.

– Полно тебе, Таня, невинную зверушку в наших бедах винить! – строго сказала Люба. – Мы сами виноваты, что за счастьем лёгким ринулись! А и правильно говорят люди, что бесплатный сыр только в мышеловке! Надо думать, как бабку перехитрить!

– Интересно, – задумчиво произнесла Люба, – а чем бабка в лицо брызгает, чем в морок вводит? Может, этим? – сунув руку в карман, она извлекла из него маленький чёрный пузырёк.

– Что это? – спросила Таня. – Откуда он у тебя?

– Ведьма его обронила, когда сюда шла. Вот видишь, Татьян, всё не так плохо.

«Ширк-ширк», – послышалось из-за двери.

Девушки замерли.

– Что это? – спросила Любаша. – Может, бабка вернулась и крадётся?

– Рано ещё бабке возвращаться, – ответила Таня. – Сказала, что только к вечеру вернётся.

Звук повторился. На цыпочках Люба подошла к двери и приоткрыла её. В узкую щель, гордо подняв хвост трубой, вошёл белый кот.

– Опять он, – медленно проговорила Таня.

Меж тем кот деловито обходил владения старухи. Вдруг, проходя мимо окна и стоящей около него бледнолицей девушки, он громко, с подвыванием, зашипел и бросился к Любаше, спрятавшись за её ноги.

– Я смотрю, ты прям ему полюбились, – сказала Татьяна.

Любаша, улыбнувшись, присела на корточки и погладила лобастую голову. Кот довольно замурчал.

– Ну, хватит любезничать с ним. Нам нужно придумать, как обмануть старуху, – раздражённо сказала Татьяна.

Немного подумав, решили, что Татьяну снова закроют в подвале, а Любаша спрячется за домом. Как только старуха войдёт за Татьяной, обе выскочат и прыснут ей в лицо отваром из пузырька. На том и порешили.

Татьяна ушла в подвал, засов задвинули. Любаша засела за домом в кустах разросшейся смородины. Как уходить стала, про кота вспомнила, искала-искала, чтоб из дому выгнать, да так и не нашла.

Время к вечеру. Из леса на поляну бабка вышла. Подошла к дому и опять принохиваться стала. Смотрит на неё Любаша из кустов, диву даёт: горб у бабки пропал, спина распрямилась, и на лицо намного моложе стала.

«Знать, и правда действует на неё обряд», – подумала Люба.

Ведьма тем временем в дом вошла. Любаша выждала пару минут и из укрытия тоже к дому побежала. Ворвалась аккуратно в тот момент, когда ведьма Татьяну из подвала вывела и в лицо ей чем-то прыснуть собралась.

Таня, как Любу заметила, все силы свои собрала да как толкнёт ведьму! Та от неожиданности пятится-пятится, а не падает. Вдруг откуда ни возьмись кот белый ей сзади под ноги бросился.

Старуха оступилась да и повалилась на спину.

А тут уж Любаша не пожалела жидкости из пузырька, почитай, всё и вылила на лицо ведьмино! Как заорала бабка, как начала по полу кружиться! За лицо руками схватилась, рычать начала да головой мотать из стороны в сторону, как заведённая.

Девчата от страха замерли: думали, что старуха в морок впасть должна, а с ней что-то страшное твориться стало!

На лице, словно маски, стали лица меняться. Да одно краше другого, да все девичьи, молодые! Ведьма орёт, надрывается, головой мечет из стороны в сторону, а лица всё меняются.

Вдруг крик страшный издала старуха и затихла. Девки смотрят во все глаза, и не верится им. На полу вместо старухи мумия иссохшая лежит, того и гляди в прах рассыплется. Все души девичьи, бабкой загубленные, перед смертью из неё вырвались; все годы, чёрным делом нажитые, из неё вытянули. Осталось на полу то, во что ведьма превратилась бы, умри она, когда годам положено было.

Как она последний вздох издала, зашипело все вокруг, стена со звездой красным огнём занялась, вспыхнула. Затряслась изба, только девчата и успели в дверь выскочить. Разверзлась твердь под домом ведьминым, и ушёл он под землю – только яма и осталась.

Лежат девки на земле, дух перевести не могут.

– Ох, – всхлипнула Любаша, – котейку-то не спасли.

– Не реви, Люба, – сказала Татьяна. – Он нам жизнь спас, мы его помощь не забудем. Мне вот интересно, что ж в пузырьке-то было?

– Да уж, – ответила Люба, – думали, что уснёт, а оно вон как повернулось.

Поднялись девушки и побрели прочь от деревни этой. Не разбирая дороги шли да и наткнулись на тропу, у которой кота когда-то встретили. Посмотрела Любаша на пень, слезу пустила – жалко белого. Да чего уж тут поделаешь?

Пошли дальше по тропе и вышли из лесу. Идут по полю к своей деревне, а позади, из леса, на них с дерева два глаза зелёных смотрят. Белый, как облако, кот сидит, довольно щурится. Зевнул сладко, соскочил с ветки да вглубь леса ушёл. Нельзя ему к людям: мало ли ещё дурёх на земле, которые по лесам да по болотам счастья быстрого и лёгкого ищут. Как их оставишь да на кого?

Полуночица

– Ох, Олеся, страшно мне! А ну как и впрямь в зеркале Полуночицу увидишь?!

– Странная ты, Марья. Ты зачем тогда пришла сюда, если боишься? Не хочешь наперёд в судьбу свою заглянуть, так и иди домой, а то страхом своим всё испортишь! И сама не увидишь, и мне не дашь посмотреть!

Еле теплился свет от свечей через окошко старой, невесть чьей заброшенной бани. Внутри сидели две девицы. Зеркала на столе да свечи церковные, и книга старинная с заговорами лежали перед ними. Задумали девчата судьбу свою узнать – хоть на годочек, да заглянуть в будущее.

А началось всё с того, что нашла Олеся на чердаке своего дома ветхую книгу. В руки брать страшно было: да уж разошшаяся, что того и гляди – рассыплется.

Осторожно листала книгу Олеся, разбирала замысловатые, полустёртые слова. Среди прочих наговоров нашла она заклинание, чтоб в будущее заглянуть. А заглянуть ой как надобно было. Ведь как полгода от милочка её, Николушки, писем нет. Не случилось ли чего? Душа истосковалась по любимому.

Уж и свадьбу играть должны были, а война все планы порушила. Всех ребят да мужиков на фронт забрали с деревни. Поначалу Николай Олеся, почитай, по письму в неделю писал, а теперь и шестой месяц на исходе, а письмеца всё нет.

Вот в мыслях о Николушке да в хлопотах домашних Олеся и наткнулась на книгу с заговором. Заговор тот вызывал Полуночицу, которой можно было вопрос задать о будущем, а в ответ она тебе в зеркале судьбу-то твою и покажет...

В назначенный вечер собрались подружки, Олеся да Марья. Вещицы, нужные для заговора, прихватили и в место условленное пошли. Вот уж и зеркала расставлены, и свечи зажжены; осталось слова нужные прочитать, как вдруг Марья на попятную пошла.

– И всё же, Олеся, боязно мне! Может, ну его, это будущее?

– Ну уж нет, Марья. Ты, если хочешь, так уходи. А я останусь! – твёрдо сказала Олеся.

А Марья возьми да и правда уйди.

Сидит Олеся одна. Тишина, сумрак, свечи горят. Взяла в руки книгу и тихим шёпотом слова нужные читать начала. Прочитала первый раз и затихла. Сидит, прислушивается. Тишина в бане, лишь свеча перед зеркалом потрескивает. Прочитала второй раз, и чудится ей, будто ветерок лёгкий по спине пробежал. Замерла Олеся. И страшно ей, и отступить не может: а ну как и правда сможет узнать что-нибудь о миленьком.

Прочитала заклинание в третий раз.

«Ш-шш», – зашуршало в углу, как подол от платья по полу.

Сидит Олеся ни жива ни мертва, повернуться боится. Опустила голову вниз, глаза вбок скосила и пытается понять, есть за спиной кто или нет, да и увидела край платья. Чёрное, лохмотьями рваными на пол сползает. Замерла девка.

– Зачем звала? – раздался из-за спины шипящий голос. – Про Николая своего узнать хочешь?

– О нём, о нём! – ответила Олеся. – Тоска зелёная душу заволокла, тошно мне от неведения, – вдруг случилось чего.

– Смелая ты, раз не испугалась меня вызвать. Так смотри, глаз не отрывай. Что увидишь, то и сбудется, – прошипела Полуночица и махнула перед лицом Олеси рукой костлявой.

Смотрит девушка – по зеркалу рябь пошла, будто в воду камень кинули. А как рябь перестало, Коленку своего увидела сразу. Идёт по полю, мешок с вещами за плечами, да идёт

как-то странно: ноги подволакивает, голову набок склонил. Вперёд смотрит, а чудится – глаза белые, будто пустые. Не подивилась ничему Олеся, только и выдохнула тихо:

– «Коленька». Видение, будто звука испугавшись, исчезло. Сидит девушка, молчит, повернуться боится: чувствует, что не исчезла Полуночица вместе с видением, а позади так и стоит.

– Жди, Олеся, – прошипел голос из-за спины, – а как приходиться станет, так и не сказывай никому. Обратного позовут – никогда его уже боле не увидишь! И коль дождёшься, так уж навсегда вместе будете, – сказала и громко засмеялась.

Поднялся ветер в баньке, потушил свечи, и тишина вокруг настала. Исчезла Полуночица.

Наутро Марья застала Олеся у колодца в приподнятом настроении.

– Ну что, – спросила она, – смотрю, ты радостная какая! Неужто и впрямь судьбу узнала?! Явилась к тебе Полуночица?

– Явилась! – радостно ответила Олеся. – Про Николая мне поведала, чтоб ждала да не кручинилась: вернётся он скоро. А ты, Марья, смотри, не сказывай никому, что мы ворожить ходили. На том и разошлись.

Прошла неделя, и опять Олеся тоска одолевать стала. Неужели обманула Полуночица? Так и нет вестей от Коленьки. Погрустнела девушка, потух взор, из рук всё валиться стало.

На следующую ночь проснулась Олеся от стука в окно. Подошла потихоньку, занавесь в сторону отодвинула – глядь, а за окном Коленька её ненаглядный стоит и палец к губам прикладывает, мол, тише, не услышал бы кто. Схватила Олеся шаль тёплую со стула да в сени побежала. Дверь открыла, а жених уж тут как тут. Бросилась девушка на шею любимому – да как от воды холодной отпрянула!

– Коленька, ты почему холодный такой, аж жжёшься?

– Замёрз я, Олеся, ночи нынче холодные.

– Да и правда, что же это я, Коленька. Так скучала по тебе, а пришёл – так я с глупостями! Пойдём, я стол накрою, матушку разбужу, – радость-то какая!

– Нет, Олеся! Нельзя мне на люди показываться, у меня служба секретная. Если про меня кто прознает, мне уйти придётся. Будем в бане заброшенной встречаться, по ночам ко мне приходиться будешь. Да смотри, никому про меня не сказывай!

– Хорошо, Коленька, всё в тайне держать буду.

И невдомёк дурёхе, отчего Николай с сёстрами родными да с матерью на встречу не идёт. Смотрит на него глазами влюблёнными, наглядеться не может!

Прошёл день, другой, третий. Ходит Олеся ночами в баню заброшенную, с милёнком встречается. Разговоры ведут задушевные. Всё бы ничего, да только стала бояться Олеся Николаю в глаза смотреть.

«Злые они стали, чернотой бездонной при свете свечи горят, а раньше ведь зелёные были, – думала девушка. – Да и холод! Как ни положишь головушку на плечо родное, так стынет пол-лица. Тьфу, пустяки это всё! – оправдывала она свои мысли. – Ночами чего ни привидится, а что холодный, так ведь и баня старая, не изба с печкой! Где ж тут согреешься, коли с пола дырявого ночным воздухом студёным веет?»

До первой зорьки Олеся с Николаем сидели, а потом он её домой гнал, чтоб, мол, не заметил кто. А придёт домой Олеся, сядет на кровать свою и будто в обморок без сил провалится, до обеда встать не может. Как встанет, так, почитай, до вечера чуть не шатается, ходит, словно жизнь из неё за ночь утекает.

Бывало, раньше за водой к колодцу пойдёт, так коромысло с двумя ведрами вмиг домой принесёт. А сейчас долго ведро из сруба поднимает да шажочками мелкими, с остановками еле одно ведёрко до дому доносит.

Сама не своя Олеся стала. С каждым днём всё хуже себя чувствует. Вещи недобрые в голову лезут. Всё про Николая думает да мысли свои в цепочку складывает.

Он в последнюю ночь разговоры страшные вёл:

предложил Олесе каким-нибудь способом матушку её родную извести, чтоб Олеся одна в доме жила, тогда бы он к ней в избу перебрался да стали бы они день и ночь вместе жить.

Как услышала про то Олеся, то еле зорьки дождалась, чтоб убежать домой. Прибежала, без сил упала; а как время к вечеру ближе, так опять сердце зануло: с такой силою к Коленке потянуло, что хоть вой!

Так и жила – сейчас от ужаса душа стынет от разговоров Колиных, а к следующей ночи уж немоготу, как к милому сбежать хочется. Извела себя до того, что и есть почти перестала, иссохла вся, свет белый не мил стал...

В один из дней у колодца её застала Марья.

– Олеся! Да куда ж ты запропастилася? И не видно тебя совсем! Да схуднула ты так! С чего бы? Погляди ж на себя – серая вся ходишь! Иль хворь на тебя напала какая? Расскажи, милая! Ведь матушка твоя ко мне приходила, слёзы лила, что как тень по дому ходишь. Разговаривать да смеяться совсем перестала. А Олеся возьми да и поделись с Марьей своими мыслями. Всё рассказала: и то, что Коля вернулся, что встречаются каждую ночь, но как подменили его, ласкового да жизнерадостного, что порой речи страшные ведёт.

И бросить она его не в силах – не просто любит, а как верёвкой её к нему привязали. Ни о чём думать не может, только бы скорее ночь пришла, да к милому могла убежать без оглядки.

Распахнула глаза Марья, побледнела, да и говорит:

– А скажи-ка, Олеся, ты давно матушку Николая своего видела?

– Да вот, почитай, как Коленка мой вернулся, больше и не встречались. Избегала её: боялась, что прознает о возвращении сына да родне разболтает, и заберут Коленку обратно на службу. А ведь помнишь, что мне Полуночница в ту ночь сказала? «Если уйдёт опять, то боле никогда ты его не увидишь!»

Промолчала Марья, попрощалась с подругой и ушла. Только не домой пошла она, а к матери Николая. Поняла сразу, что за беда с подругой приключилась.

Избегала матери его Олеся, сторонилась людей встречаемых, чтоб нечаянно не выдать секрета своего, вот и не дошла до неё весть страшная: ведь пришла на Николая похоронка. Почитай, в то же время, как самозванный Коля у Олеси объявился.

Рассказала всё Марья, и пошли они вместе с матерью Николая к Олесиной матушке. Попричитали, поохали, – поняли, кого к Олесе Полуночница в гости послала. Смекнули, что спасать девушку нужно: иначе, по словам нечистой силы, навсегда Олеся с Николаем вместе будут, да только на том свете.

Побежала мать Олеси в соседнюю деревню за батюшкой, а Марья да Николаева мать сняли икону со стены, воды святой в кувшин налили и пошли к бане старой.

Полночь на улице. Темнота – хоть глаз коли. Потихоньку две тени к бане приблизились, слышат два голоса. Только один тихий, как ручеёк, – Олесин голосок шепчет, – а в ответ ей бляенье козлиное вторит.

И течёт «разговор» – то речь человеческая, то возгласы козлиные.

Перекрестилась мать Николая да как влетела в баню с налёта, как водой святой начала во все стороны кропить! За ней Марья громким голосом молитву читает, Богородицу на помощь зовёт.

Что тут началось! Заходили стены в разные стороны, скрип страшный поднялся, визг невыносимый. Зашипело всё вокруг, загудело. Вскочил Николай на ноги, и вдруг будто пелена с глаз Олеси спала.

Стоит перед ней чёрт рогатый. Весь в шерсти да с копытами. Хотел было в Олесю вцепиться, да мать Колина тут как тут – остатками воды-то и плесканула в его морду. Отскочил чёрт, как ошпаренный, зарычал да в трубу дымоходную и вылетел. Упала Олеся без чувств.

Сколько времени прошло, неведомо. Очнулась она в своей избе, а рядом матушка сидит заплаканная. Через пару дней лучше себя чувствовать стала, а через три уже к матери Николая пошла. Весь день прорыдали: сперва от горя, Коленьку оплакивая, а потом от радости, что успели Олесю из лап нечистого вырвать.

А книгу ту Олеся в печи сожгла, чтоб ненароком ещё кому на глаза не попалась.

Долг платежом красен

Бежал маленький Санька, что было сил. Так хотелось раньше папки домой принести целую корзинку грибов и вручить её матери!

Пусть маманька гордится – вон Санька какой хозяйственный! Мамка порадуется.

Отец Саньку в лес часто брал. Про грибы рассказывал. Охоте не обучал пока, – к лесу приучал. Сашка папаньку очень любил. Строгий, но справедливый, настоящий хозяин в доме. Отец, хоть и держал Саньку в ежовых рукавицах, но злым не был, поблажки делал.

Мальчонка лес хорошо знал. Не один раз вдоль и поперёк с отцом хаживал.

Вот и сейчас, скрывшись от зоркого взгляда родителя, он нёсся вперёд к дому, зная, что нагоняй ему не устроят. И, когда до края леса оставалось совсем немного, Саня остановился и прислушался.

Среди летнего ветерка и птичьего гомона он услышал какой-то писк. Скулил щенок.

Поставив корзинку на землю, мальчик пошёл в сторону звука. Идти пришлось недолго. Под разлапистой ёлкой застрял в капкане маленький волчонок.

Чёрный, как смоль, комок трясся всем телом и крутился, пытаясь освободиться из ловушки. Передняя лапа была вся в крови. Увидев человека, волчонок уставился на него своими ярко-бирюзовыми глазами.

«Надо же, какие глаза, – подумал Санька. – Как самоцветы горят!»

Осторожно пробравшись под дерево, мальчик присел на корточки совсем рядом.

Волчонок, словно почувствовав, что перед ним ребёнок, перестал трястись и жалобно заскулил.

Сжалось маленькое сердечко Сашки, когда он увидел, как заплакал волчонок. Подойдя совсем близко, он, что есть силы, потянул за железки капкана в разные стороны. Но что мог сделать ребёнок?

Когда Санька понял, что силёнок у него не хватит, он вдруг произнёс, обращаясь к волчонку:

– Подожди! Я тятьку крикну, он поможет нам. И с этими словами мальчонка бросился прочь в лес.

– Папка, папка, – заверещал он, едва завидев за деревьями отца. – Там капкан, там кутёнок, он плачет, помоги, папка!

– Какой ещё кутёнок? – спросил отец, сдвинув брови.

– Обычный, – продолжал Сашка. – Ему очень больно.

Ускорив шаг, отец устремился за сыном. Подойдя к месту, где волчонок сидел в капкане и увидев его, отец нахмурился ещё больше.

– Кутёнок? – строго спросил отец. – Отойди, Саша, – сказал он и снял с плеча ружьё, которое всегда брал с собой в лес на случай, если придётся отбиться от хищника или подстрелить птицу к ужину.

Смекнув, что отец хочет пристрелить волчонка, Сашка вдруг заревел.

– Тятька, тятька, не стреляй волчонка. Он маленький совсем, он не злой.

– Отойди, Саша. Это он сейчас не злой, а вырастет – много зла от него будет.

– Не надо, тятька, не убивай, – ревел Санька и, будто не понимая всей опасности, бросился под ёлку и прикрыл собой зверька.

– Не стреляй, папка, миленький, он не злой, – твердил мальчонка и заливался рыданиями.

Громко вздохнув, отец опустил ружьё и полез под ёлку. Сильные мужские руки вмиг разжали стальные клыки капкана.

Освобождённый волчонок на трёх лапах, держа переднюю пораненную на весу, пятился от людей.

– Беги, беги отсюда! – крикнул Сашка и захопал в ладоши, чтобы напугать животное. И, когда волчонок, рванув в гущу леса, скрылся из виду, Сашка обнял отца, прижавшись к жёсткой щетине своими мокрыми от слёз щеками.

– Спасибо, тятка, – прошептал он. – Ты самый лучший.

– Ох, Сашка, – устало произнёс отец. – Мягкотелый ты у меня! Сложно тебе придётся. Да смотри, не сказывай никому, что отец волка в лес отпустил. А то уши надеру!

Ещё раз, крепко обняв отца, сын поклялся, что никогда не раскроет тайну.

Выбравшись из-под дерева и взяв свои корзины, они поплелись домой.

Сашка слово сдержал. Ни одна душа не узнала, что с ними в лесу произошло. А со временем этот случай вообще стёрся из их памяти...

Шло время, шла жизнь, – постучалась беда. Начавшаяся война в каждый дом чёрную безысходность принесла. Почти всех мужиков с деревни на фронт забрали. Началась трудная жизнь. Настало время Саньке брать в руки отцовское ружьё да становиться хозяином в доме.

Мать, хоть и не старая, а как отца забрали, исхудала вся с горя. А Сашке нельзя было унывать. Кроме мамки, у него ещё сестра маленькая. Случись что, как отцу в глаза смотреть?

Жалость жалостью, а кушать хочется, да и мать с сестрой кормить надо. В лесу Сашка по животным не стрелял. Так и не пересилил он в себе любовь к ним.

А вот с птицами проще было. Когда в них попадаешь, они тебе, как животинка, на последнем вздохе в глаза не смотрят. И вот что странно: птицы на Сашкино ружьё будто сами вылетали. Как с неба на него падали. Не захочешь, а попадёшь! Пустой из леса юноша ни разу не выходил. Но и не стрелял до умопомрачения! Подбивал столько, сколько нужно, чтобы с голоду не умереть.

Бывало, пару раз ловил больше, чем надо, но это потому, что соседка пришла, волком воет. Пятеро детишек с голоду пухнуть начали. Мужика в доме нет, а дети – мал мала меньше. На ботве да репе сильно не зажируешь. Вот Санька для неё и подстреливал иногда, когда просила.

Завидовали Сашкиной матери. Хорошего сына воспитали. Он ей во всём поддержкой был! Сильный, смелый, к чужой беде участливый. Многим в деревне помогал, а для своих уж и подавно последние силы отдать мог. И мать, и сестра были за надёжной стеной.

Только вот чужая радость многим глаза колет!

И нет бы греться в лучах чужой доброты, так нет же: лучи эти погасить нужно, чтоб всем плохо было!

Извелась вся тётка Агафья. От зависти аж почернела вся. Вон, как Сашка по всей деревне, словно зерном, добрыми делами разбрасывается. И бабке Нюрке одинокой забор подправил. И сиротам соседским на обед утку принёс. Про огороды, старикам копаные, и говорить нечего!

А родной сын, Колька, только на лавке бока и отлёживается. Воды принести не допросишься! Везёт же некоторым...

К слову сказать, Санька к дому Агафьи не очень хож был. Заставал пару раз у колодца, вёдра помог дотащить. Да только подойдя к дому, встречал сына Агафьиного, увальня ленивого. Взял да и брякнул как-то тётке:

– Что ж это ваш Николай помочь не может? Чай, не болезный. Руки, ноги на месте.

– Ой, что ты, Сашенька, – запела Агафья. – Ещё как болеет, совсем силушки нет. Едим мало.

Хмыкнул парень, на рослого Кольку глядя, и, не сказав ничего, пошёл прочь. Больше он на глаза тётке Агафье старался не попадаться.

А Агафья меж тем злобу-то и затаила! И, когда совсем невмоготу стало, собралась она к своей сестре двоюродной в гости, в соседнюю деревню. Сестра та колдовать да ворожить умела. За хлеб да за муку и чёрными делами не брезговала. К ней бабы с деревень хаживали

узнать про судьбу мужей на фронте. А некоторые кумушки друг друга так терпеть не могли, что ходили со злыми умыслами.

Человек ведь существо слабое да чаще злобное, а коли на твоём дворе корова померла, так почему ж соседка должна тогда молочком лакомиться?!

Вот и Агафья пришла да и вывалила на неё всё, что накопело на сердце. И про Сашку этого проклятушного, и про его доброту и трудолюбие, от которых глаза колет, да что мать его хорошо пристроилась – мужика нет, а всё одно не перегибается на работе, всё сын на подхвате! А уж про то, что на столе их дичь всегда есть, и говорить нечего!

И нет бы на себя позлиться, что зависть чёрная душу гложет, что сына-увальня воспитала и жрать частенько нечего на столе. Да разве ж кто в своих бедах себя виноватым считает?

В общем, плакалась, плакалась да и уговорила родственницу дать ей совет, как Сашку извести.

Обряд был несложным. Нужно было уговорить Александра взять с собой Агафьиного Николая на охоту. А как они поглубже в лес зайдут, так Колька должен исхитриться и в глаза Сашке порошок заговорённый кинуть. Тогда в глазах у него свет померкнет и домой пути он не сыщет, а, пока незрячий по лесу бродить будет, может, его и зверь какой задерёт. На том и порешили.

Вернулась Агафья домой, сыну всё рассказала, а тот и рад стараться: Сашка ему давно поперёк глотки со своим добром. Как на улицу ни выйдешь, только и слышишь, что старики просят: «помоги, Коля», – а не поможешь, так всё с ним сравнивают. Вот, мол, Сашка молодец какой, а ты, Коля, лентяй нерасторопный.

На следующий день пришёл Николай к Саше с просьбой взять его с собой на охоту, мол, совсем тягостно, дома еды нет. Санька вроде и отказать хотел, да как откажешь, если человек помощи просит. Условились, во сколько завтра поутру встречаются, и на том разошлись.

В условленное время пошли ребята в лес. Александр давай по окраине ходить, а Николай знай себе талдычит, – мол, пошли глубже, там птица крупнее. Долго шли. Наконец остановились. И говорит Николай:

– Санька, глянь, мне в глаз что-то попало. Ветка стеганула по лицу, может, щепка какая залетела?

Подошёл Сашка вплотную к Николаю, чтоб посмотреть, а тот возьми да и швырни ему порошок прямо в лицо. Закричал Саша, за лицо схватился, – защипало глаза с невероятной силой. Упал на колени, трёт их:

– Колька, что ты сделал?! – кричал он. – Как же я теперь из леса выйду? Ведь не вижу ничего.

– А никак не выйдешь, – озлобился Николай. – Сгинешь в лесу, так и надо тебе. Чтоб жизнь другим не портил! Сидел бы со своей матерью да не высовывался! Нет ведь, в каждой бочке затычка! Вот и посмотрим теперь, как твоей семье помогать будут, если прознают, что ты больше не появишься да с добром своим к другим лезть не будешь!

Плюнул со злобой в Сашину сторону и пошёл прочь от него.

Сидит Санька во мху на коленях, голову обхватил руками, и хоть вой! В глазах темень. Куда идти? Кого звать? А как о матери с сестрой подумал, так в голос от безысходности и кричал.

Да толку-то! Лес густой, дремучий. Бабы так далеко не заходят, а старики и подавно по краешку леса гуляют.

Сколько Сашка просидел, то неведомо.

Встал потихоньку и наощупь, от дерева к дереву, побрёл, куда душа вела.

«Вечереть стало», – понял он: затихал лес. Ночь вступала в свои права.

А в деревне меж тем встретила Санькина мать Николая:

– А где ж Санечка мой? – спрашивает.

– Откуда мне знать, – огрызнулся Коля. – Пошли вместе, так он меня бросил, насили сам дорогу нашёл.

Закручинилась мать Александра, не понравилось ей, что Николай так сказал. Знала: сын никогда в беде никого не бросит. Неладное сердце почуяло. Но делать нечего, надо ждать. Авось Сашка проворнее Николая окажется, к утру домой из леса выйдет.

Но утро наступило, а Саша домой так и не вернулся...

Страшно ночью в лесу, а уж без глаз и подавно. Треск да уханье, – кровь в жилах стынет. То зверь какой рыкнет, чужака почуяв, то змея прошуршит совсем рядом. Всю ночь Санька глаз не сомкнул. А как утром птицы с ума сходить начали, оглашая лес непрерывными трелями, так поднялся он на ноги и опять пошёл, незнамо куда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.